

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линия,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

А. П. ЧЕХОВЪ—ПѢВЧІЙ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФА.

Антонъ Павловичъ Чеховъ никогда не обладалъ выдающимся слухомъ; голоса же у него не было вовсе. Грудь тоже была не крѣпка, что и подтвердилось потомъ болѣзнию, которая свела его преждевременно въ могилу. Несмотря однакоже на все это, судьба распорядилась такъ, что А. П. до третьяго и чуть ли, кажется, не до четвертаго класса гимназіи тянулъ тяжелую ямку пѣвчаго въ церковномъ хорѣ. Вспоминая впоследствии, въ зрѣломъ возрастѣ, эти годы принудительнаго пѣвчества, покойный писатель не разъ говаривалъ съ грустью:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

А попалъ Ант. П. въ пѣвчіе слѣдующимъ образомъ.

Павель Егоровичъ—отецъ писателя—съ раннихъ лѣтъ своей жизни былъ большимъ любителемъ церковнаго благолѣпія, церковныхъ службъ и въ особенности церковнаго пѣнія. Въ молодости онъ жилъ въ деревнѣ, посѣщалъ усердно сельскую церковь и выучился у мѣстнаго сельскаго священника играть на скрипкѣ по нотамъ и пѣть тоже по нотамъ. Во время церковныхъ службъ, онъ пѣлъ и читалъ въ деревнѣ на клиросѣ. Впоследствии онъ былъ привезенъ своимъ отцомъ—дѣдомъ писателя—изъ деревни въ Твгаирогъ и отданъ къ мѣстному богатому купцу Кобылину въ мальчики-лавочки. Пройдя здѣсь суровую школу сначала мальчика, затѣмъ „молодца“, а потомъ и приказчика, Павель Егоровичъ къ тридцати годамъ своей жизни открылъ въ Таганрогѣ собственную бакалейную торговлю и женился. Выйдя изъ подъ ферулы строгаго хозяина—Кобылина, Павель Егоровичъ почувствовалъ себя самостоятельнымъ и свободнымъ. Эта свобода дала ему возможность ходить въ церковь, когда ему вздумается и отдаваться пѣнію, сколько душѣ угодно. Перезнакомившись съ духовенствомъ мѣстныхъ церквей, Павель Егоровичъ сталъ пѣть и читать на клиросахъ вмѣстѣ съ дьячками, а потомъ какими-то судьбами добился и того, что сталъ регентомъ соборнаго хора, которымъ и управлялъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Будучи человекомъ религіознымъ, онъ не пропускалъ ни одной всенощной, ни одной утрени и ни одной обѣдни. Въ большіе праздники онъ неукоснительно выстаивалъ двѣ обѣдни—раннюю и позднюю—и, послѣ обѣда, уходилъ еще въ вечернѣ.

Идеаломъ церковной службы была для него служба въ монастыряхъ на Аеоиѣ (о чемъ ему рассказывали заѣзжіе аеоискіе монахи), гдѣ все читалось и пѣлось „продлинновенно, вразумительно и безъ пропусковъ“, и гдѣ, напримѣръ, всенощная начинается въ шесть часовъ вечера, а кончается въ шесть часовъ утра. Этотъ идеалъ онъ и старался осуществлять, гдѣ только было возможно. Забравшись на клиросъ къ дьячкамъ, онъ любилъ читать во время всенощной шестопсалміе и канонъ и уже читалъ такъ протажно и длинно, что нерѣдко священникъ высылалъ изъ алтаря попросить чтеца „ускорить, не заедлять и не затагивать“. Управляя соборнымъ хоромъ, онъ такъ затагивалъ пѣніе, что прихожане роптали и не разъ тутъ же, въ церкви, обращались къ Евгенію Яковлевиѣ—женѣ Павла Егоровича съ просьбой:

— Скажите же, наконецъ, Евгенія Яковлевна, вашему мужу, что такъ тянуть невозможно. Во всѣхъ церквахъ обѣдни давно уже отошла, а у васъ еще только „Вѣрую“ поютъ...

Но на Павла Егоровича ни увѣщанія жены, ни ропотъ прихожанъ не производили никакого дѣйствія. Онъ упрямо защищалъ „продлинновенность“ и всякій разъ ссылался на примѣръ аеоискіихъ монастырей.

— Такъ вѣдь то—на Аеоиѣ; а мы—не монахи,—возражали прихожане.

— Зато — благоглѣзие! — упрямо стоялъ на своемъ Павелъ Егоровичъ.

Кончилось однакоже тѣмъ, что, проработавъ года три или четыре въ роли регента соборнаго хора, Павелъ Егоровичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ передать эту должность другому. Было ли это результатомъ недовольства прихожанъ, или же размолвки съ духовенствомъ—исторія умалчиваетъ. Возможно также, что и частыя отлучки изъ лавки на свѣки и на церковныя службы вредно и убыточно отражались на торговлѣ.

Есть однакоже достаточное основаніе предполагать, что у Павла Егоровича была натура артистическая, потому что, переставъ быть регентомъ въ соборѣ, онъ почувствовалъ, что ему чего-то не хватаетъ и что пѣніе и чтеніе на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, его не удовлетворяетъ. Артистическая жилка и страсть къ пѣнію подтачивали его и не давали покоя. Проведя года два или три въ вынужденномъ бездѣйствіи, Павелъ Егоровичъ задумалъ организовать свой собственный хоръ изъ добровольцевъ-любителей. И это ему удалось. Во всякомъ городѣ,—а тѣмъ болѣе въ провинціальному,—всегда найдется не мало любителей церковнаго пѣнія, готовыхъ пѣть гдѣ угодно, лишь бы только ихъ пускали на клиросъ. Такіе охотники-добровольцы нашлись и въ Таганрогѣ. Это были мѣстные кузнецы—дужій, крѣпкій, мускулистый и совершенно неграмотный народъ, но народъ бого-

боязливый, обладавшій здоровыми глотками и еще большимъ усердіемъ. Они-то и сгруппировались около Павла Егоровича, какъ около центра. Ихъ было человѣкъ десять или двѣнадцать. Днемъ они подковывали лошадей и натягивали желѣзные ободья на колеса чумацкихъ возовъ, а поздно вечеромъ собирались у Павла Егоровича въ лавкѣ для спѣвки.

Усердіе ихъ было въ самомъ дѣлѣ удивительное. Дѣло кузнеца, какъ извѣстно, не легкое: проработать цѣлый день у горна и наковальни тяжелымъ молотомъ — вещь не шуточная. Къ концу рабочего дня кузнецъ—уже человѣкъ физически разбитый и до нельзя усталый. Къ тому же и кузни, вынесенныя далеко за городъ, лежали отъ лавки Павла Егоровича по меньшей мѣрѣ въ трехъ верстахъ. Но это нисколько не смущало добровольцевъ: не смотря ни на какую погоду, они аккуратно собирались въ опредѣленные дни къ десяти часамъ вечера и горлачили часомъ до двѣнадцати ночи. Если прибавить къ этому, что въ тѣ времена въ Таганрогѣ не было еще ни мостовыхъ, ни фонарей, и домой пѣвцамъ приходилось возвращаться по страшной и вязкой грязи и въ полной темнотѣ, то нужно будетъ признать, что любовь ихъ къ пѣнію была дѣйствительно велика.

Этотъ „усердный“ хоръ добровольцевъ ходилъ по церквамъ и пѣлъ подъ руководствомъ Павла Егоровича обѣдни, молебны, вечерни и всенощныя, нигдѣ не взявъ ни гроша за свой трудъ. Хотя пѣніе красотою и стройностью и не отличалось, но духовенство и старосты приходскихъ церквей были рады и этому, потому что у нихъ отпадали расходы на обзаведеніе собственнымъ, платнымъ хоромъ. И обѣ стороны были довольны.

Весь хоръ пѣлъ грубыми мужскими голосами. Альтовъ и дискантовъ не было. Изъ всѣхъ кузнецовъ только одинъ парень среднихъ лѣтъ, нѣкій Яковъ Николлаевичъ пѣлъ дискантовую партію дребезажавшимъ фальцетомъ (фистулою). Недоброжелатели хора (а они существовали!) ядовито остряли, говоря, что этотъ хоръ не поетъ, а стучитъ молотками по наковальнямъ.

Павель Егоровичъ и самъ сознавалъ, что въ его хорѣ не хватаетъ свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ — дискантовъ и альтовъ. Но в ту же минуту ему явилась судьба. Стали подростать собственные дѣти, — и онъ, не задумываясь и не справляясь съ ихъ голосовыми средствами, тотчасъ же приспособилъ ихъ къ хору. Двоимъ старшимъ выпало на долю исполнять партію перваго и втораго дисканта, а третій, младшій, только недавно поступившій въ первый классъ гимназіи, долженъ былъ волею-неволею пѣть альтомъ.

Этотъ третій—альтъ—и былъ будущій писатель Антонъ Павловичъ. Тяжеленько приходилось бѣдному Антошѣ, только еще славяще-

муса мальчику, съ неразвившейся еще грудью, съ плоховатымъ слухомъ и съ жиденькимъ голоскомъ... Не мало было пролито имъ слезъ на спѣвахъ и много дѣтсваго адороваго сна отняли у него эти ночныя, позднія спѣвки. Павелъ Егоровичъ во всемъ, что касалось церковныхъ службъ, былъ аккуратенъ, строгъ и требователенъ. Если приходилось въ большой праздникъ пѣть утреню, онъ будилъ дѣтей въ 2 и въ 3 часа ночи и, не взирая ни на какую погоду, велъ ихъ въ церковь. Находились сердобольные люди, которые убѣждали его, что лишать дѣтей необходимаго сна—вредно, а заставлять ихъ не по силамъ напрягать дѣтскія груди и голоса—прямо-таки грѣшно. Но Павелъ Егоровичъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія и искренно и съ убѣжденіемъ отвѣчалъ:

— Почему же бѣгать по двору и кричать во всю глотку — не вредно, а пропѣть въ церкви обѣдню—вредно? На Аеоиѣ мальчики-канонархи по цѣлымъ ночамъ читаютъ и поютъ — и ничего имъ отъ этого не дѣлается. Отъ церковнаго пѣнія дѣтскія груди только укрѣпляются. Я самъ съ молодыхъ лѣтъ пою и, слава Богу, здоровъ. Для Бога потрудиться никогда не вредно.

Къ чести Павла Егоровича нужно сказать, что онъ искренно и глубоко вѣрилъ въ то, что говорилъ. Онъ вѣрилъ въ загробную жизнь и былъ убѣжденъ въ томъ, что каждая пропѣтая его дѣтскими обѣдня или всенощная приближаетъ ихъ души къ Богу и уготовляетъ имъ царство небесное, и что всѣ спѣвки и недосыпанія „зачтутся имъ на томъ свѣтѣ“. На себя же онъ смотрѣлъ, какъ на отца, который передъ самимъ Богомъ обязанъ внушать дѣтямъ благочестіе и любовь къ церкви съ самаго ранняго ихъ возраста. Онъ называлъ это: „давать дѣтямъ направленіе“ и давалъ его не безъ задней, впрочемъ, мысли—что и ему самому за эти хлопоты будетъ уготовано мѣстечко въ раю.

Въ тогдашней гимназіи система преподаванія была еще толстовская, тяжелая, съ массою латыни даже въ младшихъ классахъ. Приходилъ Антоша домой съ уроковъ обыкновенно въ четвертомъ часу дня, усталый и голодный, и, послѣ обѣда, тотчасъ же принимался за приготовленіе уроковъ дома, или же въ лавкѣ, куда его чуть не каждый день посылалъ Павелъ Егоровичъ приучаться къ торговлѣ и, главнымъ образомъ, исполнять обязанности „хозяйскаго глаза“. Къ девяти часамъ вечера усталость брала свое, и измученные духъ и тѣло настойчиво требовали отдыха. Но въ дни спѣвокъ объ отдыхѣ думать было нечего. Являлись кузаны. Вмѣстѣ съ ними являлся и посланецъ въ дѣтскую съ приказомъ:

— Папаша зоветъ на спѣвку!..

Спѣвки производились въ большой комнатѣ, примыкавшей къ лавкѣ.

Кузнецы усаживались вокруг круглаго стола на табуретках и ящикахъ изъ-подъ мыла и изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей. На такую же мебель усаживались и дремавшіе гимназисты. Павелъ Егоровичъ вооружался скрипкой, которую „по старинѣ“ прижималъ не къ подбородку, а къ лѣвой сторонѣ груди,—и свѣвка начиналась. Передъ пѣвцами лежатъ раскрытыя нотныя тетради, но онѣ лежатъ только для проформы, потому что ни одинъ изъ нихъ не грамотенъ и всѣ до единого поютъ „на слухъ“, а слова пѣснопѣній просто заучиваютъ наизусть. Для нихъ названія нотъ: до, ре, ми... — пустой звукъ, а діезы и бемоли — что-то вродѣ жупела. Иной разъ бась или теноръ начинаютъ фальшивить, и Павелъ Егоровичъ, забывшись, вскрикиваетъ съ сердцемъ:

— Ну, что вы, Иванъ Дмитричъ, врете? Смотрите въ ноты: вѣдь тамъ стоитъ до-діезъ!..

— Да вѣдь я же, Павелъ Егорычъ, неграмотный! — конфузливо защищается кузнецъ.—Вы лучше проиграйте мнѣ это мѣсто еще разъ на скрипкѣ...

Павелъ Егоровичъ начинаетъ досадливо водить смычкомъ по струнамъ. Кузнецъ старается изо всѣхъ силъ прислушиваться, но схватываетъ тугу. А время все идетъ да идетъ. У Антоши давно уже слипаются глаза и голова отяжелѣла. Но уйти и лечь спать онъ не смѣетъ. Когда же около полуночи пѣвчіе, одолѣвъ съ грѣхомъ пополамъ „Всемирную славу“ или „Чертогъ Твой, Спасе“, прощаются и расходятся, — у Антоши едва хватаетъ силъ добраться до постели. Случается заснуть и въ платьѣ. То же происходитъ и съ его старшими братьями... А завтра въ семь часовъ утра уже надо вставать въ гимназію...

Пѣли главнымъ образомъ въ монастырѣ и во „Дворцѣ“.

Монастырь — до извѣстной степени церковь историческая. Принадлежить онъ, кажется, іерусалимскому патриарху. Штатъ его составляютъ греческій архимандритъ и нѣсколько греческихъ іеромонаховъ и діаконовъ, присылаемыхъ изъ Іерусалима. Служба производится на греческомъ языкѣ. Извѣстно, что императоръ Александръ I послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Таганрогѣ и тамъ же и умеръ. Гробъ съ его брениными останками, по какимъ-то, доселѣ никому неизвѣстнымъ соображеніямъ, былъ поставленъ не въ соборѣ и не въ какой-либо русской церкви, а именно въ этомъ греческомъ монастырѣ. Тутъ онъ и стоялъ на катафалкѣ среди храма довольно долгое время, до перевозки въ Петербургъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, обнесено внутри церкви металлической рѣшеткой, охватывающей вдѣланную въ полъ мраморную плиту, съ мраморнымъ же крестомъ. Въ головахъ этой плиты поставлена вызолоченная колонна съ врѣзанною

въ нее иконою, передъ которою Александръ Благословенный, по преданію, имѣлъ обыкновеніе молиться. Насколько это преданіе вѣрно— неизвѣстно. На площади, передъ фасадомъ монастыря стоитъ памятникъ работы скульптора Мартоса, изображающій императора съ протянутой впередъ правою рукою. Въ рукѣ — свитокъ, свернутый въ трубку. Памятникъ обнесенъ чугуною оградой изъ цѣпей и нынѣ такъ заросъ густыми акаціями, что почти не виденъ изъ-за ихъ зелени.

Въ монастырѣ—три престола: главный и два боковыхъ. Доходы монастыря, собираемые съ прихожанъ-грековъ, были не велики; русскіе же люди посѣщали эту церковь неохотно, потому что не знали греческаго языка. Чтобы поднять доходы, архимандритъ и іеромонахи придумали открыть богослуженіе на русскомъ языкѣ. Но чтобы не умалять значеніе своего монастыря, какъ греческаго, рѣшили служить по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ раннія обѣдни въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ, оставляя главный престолъ исключительно для службъ греческихъ. Іеромонахи и діаконы — народъ, нужно правду сказать, достаточно малограмотный—вызубрили русскій текстъ обѣдни не безъ труда и произносили русскія слова довольноно уродливо. Но это дѣлу не помѣшало: русскіе богомольцы стали посѣщать эти раннія обѣдни охотно, и тарелочный сборъ монастыря возросъ ощутительно. Въ эти-то раннимъ обѣднимъ и пристроился Павелъ Егоровичъ со своимъ хоромъ изъ кузнецовъ и трехъ дѣтей-гимназистовъ. Пѣли здѣсь, кажется, года три. Для монаховъ же этотъ даровой любительскій хоръ былъ сущимъ кладомъ. Они пользовались его услугами безъ церемоній, самымъ увѣреннымъ тономъ поощряли общаніями щедрой награды на томъ свѣтѣ, на небесахъ и только въ концѣ третьяго года преподнесли въ конвертѣ тридцать рублей, что составило менѣе двухъ рублей на пѣвческую душу.

Антонъ Павловичъ пѣлъ въ монастырѣ альтомъ, и его, какъ и слѣдовало ожидать, почти не было слышно. Мужскіе сильные голоса подавляли слабые звуки трехъ дѣтскихъ грудей. Но Павелъ Егоровичъ не принималъ этого въ расчетъ, и раннія обѣдни пѣлись аккуратно и безъ пропусковъ, не смотря ни на морозъ, ни на дождь, ни на слякоть и глубокую, вязкую грязь немощныхъ таганрогскихъ улицъ. А какъ тяжело было вставать по утрамъ для того, чтобы не опоздать къ началу службы!..

Единственнымъ развлеченіемъ мальчиковъ во время обѣдни въ лѣтнее время было—слѣдить за жизнью и работою кобчиковъ. Съ хоръ, на которыхъ помѣщались пѣвчіе, были видны небольшія круглыя окна второго яруса въ стѣнахъ церкви. Просвѣты этихъ оконъ были задѣланы рѣшетками, и тутъ, въ петляхъ этихъ рѣшетокъ, кобчики-хищники вили свои гнѣзда и выводили птенцовъ. Птенцы обык-

новенно сидѣли въ гнѣздахъ смиренно, но когда родители, прилетая съ лова, приносили въ клювахъ мышь или какого-нибудь другого мелкаго звѣрька, то они поднимали рѣзкій и неприятный пискъ и принимались терзать своими хищными клювами принесенную добычу. Эти сцены, отъ наблюденія которыхъ, пожалуй, не отказался бы и Брэмъ, нѣсколько разнообразили монотонность и скуку подневольнаго пѣнія.

По возвращеніи отъ обѣдни домой, пили чай. Затѣмъ Павелъ Егоровичъ собиралъ всю семью передъ кіотомъ съ иконами и начиналъ читать акаѣистъ Спасителю или Богородицѣ, причѣмъ дѣти должны были пѣть послѣ каждаго икоса:— „Иисусе сладчайшій, спаси насъ“ и послѣ каждаго кондака:— „Аллилуія“. Къ концу этой домашней молитвы уже начинали звонить въ церквахъ къ поздней обѣднѣ. Одинъ изъ сыновей-гимназистовъ—по очереди, или же по назначенію отца—отправлялся вмѣстѣ съ „молодцами“ въ качествѣ хозяйскаго глаза отпирать лавку и начинать торговлю, а прочія дѣти должны были идти вмѣстѣ съ Павломъ Егоровичемъ къ поздней обѣднѣ. Воскресные и праздничные дни для дѣтей Павла Егоровича были такими же трудовыми днями, какъ и будни, и Антонъ Павловичъ не безъ основанія не разъ говаривалъ братьямъ:

— Господи, что мы за несчастный народъ! Всѣ товарищи-гимназисты по воскресеньямъ гуляютъ, бѣгаютъ, отдыхаютъ и ходятъ въ гости, а мы должны ходить по церквамъ!..

Разъ въ году, на первый день Троицы, Антонъ Павловичъ и его братья принимали участіе въ монастырскомъ праздникѣ. Это былъ престольный праздникъ главнаго придѣла, и, послѣ торжественной греческой службы, въ покояхъ архимандрита собирались почетные прихожане-греки съ поздравленіями. Въ качествѣ почетнаго гостя ходилъ и Павелъ Егоровичъ съ дѣтми. Поздравленіе заключалось въ четырехъ-голосномъ пѣніи тропаря: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей“... Послѣ обычныхъ монастырскихъ официальныхъ, открывалась дверь въ сосѣдній большой покой и почетные гости приглашались туда къ торжественной трапезѣ, состоявшей изъ водокъ, сантуринскихъ винъ и разныхъ греческихъ соленыхъ закусокъ и національныхъ блюдъ. Эти-то рѣдкія греческія соленыя рыбки, маслины, иностранная сѣдъ и сласти и составляли главную приманку для пѣвчихъ. Въ этотъ день греки—и духовные, и свѣтскіе—кутили изрядно и добросовѣстно и, въ перемежку съ духовнымъ греческимъ пѣніемъ, вспоминали свою далекую Элладу и дѣльный лабиринтъ окружающихъ ее острововъ!..

Всему бываетъ конецъ. Прекратились и раннія обѣдни въ монастырѣ. Прекратились, кажется, оттого, что іеромонаха, умѣвшаго слу-

жить по-русски, убрали въ Иерусалимъ, а на смѣну ему прислали другого, говорившаго только на своемъ родномъ языкѣ. Хоръ Павла Егоровича остался, такъ сказать, безъ дѣла и безъ мѣста. Но Павелъ Егоровичъ нашелся и тутъ. Отстроилась долго стоявшая впустѣ Митрофаніевская церковь. Онъ перекочевалъ въ нее. Но тутъ уже не было прежняго широкаго раздолья и почета: въ церкви былъ собственный, платный хоръ, и Павлу Егоровичу пришлось ютиться съ грѣхомъ пополамъ на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, смотрѣвшими довольно косо. Кузнецы, видя такой далеко не дружественный пріемъ, мало-по-малу разбрелись. Остался только одинъ неутомимый регентъ съ дѣтьми, которыя, въ своемъ великому горю, не могли и не смѣли разбрестись и должны были все-таки пѣть и подтагивать дьячкамъ.

Антонъ Павловичъ на этомъ клиросѣ не разъ писалъ бабамъ на бумажкахъ и на просфорахъ для проскомидіи „о здравіи“ и „за упокой“ и это записываніе именъ для поминованія послужило ему впоследствии темою для его разсказа „Канитель“, въ которомъ старуха путаетъ имена своихъ здравствующихъ и умершихъ родственниковъ.

Хоръ однакоже не распался. Судьба готовила ему новое поприще для приложения его „усердія“—и это былъ самый ужасный, самый тяжелый и самый утомительный періодъ для Антона Павловича. Это было то время, когда въ подростающемъ мальчикѣ начинается развиваться самолюбіе и когда каждый ложный шагъ, каждая ошибка и каждый косой взглядъ кажутся преувеличенными и очень больно терзаютъ молодую душу.

Въ Таганрогѣ существуетъ домъ, называемый Дворцомъ. Это—большой, угловой, одноэтажный домъ съ садомъ, принадлежавшій нѣкогда—какъ гласитъ преданіе—частному лицу,—кажется, генералу Папкову. Въ этомъ домѣ жилъ и умеръ Александръ I. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ называться Дворцомъ, и по его панелямъ и днюмъ, и ночью расхаживаютъ взадъ и впередъ съ пашками на-голо часовые—казаки. Одна изъ комнатъ въ этомъ домѣ обращена въ домовую церковь императора. Церковь—замѣчательно скромна и проста. Иконостасъ въ ней—полотняный и такой зыбкій, что когда отворяются царскія врата, то онъ весь волнуется и дрожить. Онъ дѣлитъ комнату на двѣ части, въ одной изъ которыхъ помѣщается алтарь, а другая отведена для молящихся. Полъ устланъ старыми, потертыми коврами. Церковь эта очень долго стояла запертою, и ключъ отъ нея хранился у смотрителя Дворца. Какими-то судьбами и ходатайствами ее приписали къ собору и отдали въ распоряженіе соборнаго протоіерея. Послѣдній отрядилъ туда одного изъ соборныхъ же іереевъ и открылъ въ ней богослуженіе.

Службы происходили по большимъ праздникамъ и по постами. Особенно тяжелы были онѣ въ Великомъ посту, на Страстной недѣлѣ. Въ дворцовую церковь ѣздилъ говѣть городская знать во главѣ съ градоначальникомъ (Таганрогъ тогда былъ градоначальствомъ). Публика была все отборная, аристократическая, и Павлу Егоровичу очень хотѣлось прихвастнуть передъ нею и своими хоромъ, и умѣньемъ дирижировать, а главное, — умѣньемъ воспитывать своихъ дѣтей не какъ-нибудь, а въ страхѣ Божіемъ. Поэтому онъ всячески старался выдвигать ихъ и этимъ — самъ того не подозревая — причинялъ имъ много огорченій. Въ великопостной службѣ есть красивое тріо: „Да исправится молитва моя“. Поется эта молитва обыкновенно среди церкви, на виду у всѣхъ молящихся, и исполненіе ея, чтобы оно было хоть сколько-нибудь сносно, требуетъ непремѣнно хорошихъ голосовъ. Голосами своихъ чадъ Павелъ Егоровичъ прихвастнуть не могъ и зналъ это, но болѣзненное самолюбіе и желаніе показать себя передъ аристократіей были въ немъ въ этомъ случаѣ непобѣдимы. Онъ заставилъ своихъ троихъ сыновей-гимназистовъ разучить это пѣснопѣніе и неумолимо выводилъ ихъ на середину церкви.

Понять психику Антона Павловича въ эти мгновенія не трудно. Неувѣренность въ своихъ силахъ, свойственная дѣтскому возрасту робость и боязнь взять фальшивую ноту и осрамиться — все это переживалось имъ и дѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Само собою понятно, что при наличности такихъ ощущеній голоса доморощеннаго тріо дрожали, пѣніе путалось и торжественное „Да исправится“ не менѣе торжественно проваливалось. Къ тому же заключительный куплетъ приходилось исполнять обязательно на колѣняхъ, и строгій регентъ требовалъ этого, забывая, что на ногахъ дѣтей сапоги страдаютъ недочетами въ подметкахъ и каблукахъ. А выставлять на показъ публично протоптанную, дырявую грязную подошву — какъ хотите — обидно, особенно же для гимназиста, котораго могутъ засмѣять товарищи и который уже начинаетъ помышлять о томъ, чтобы посторонніе были о немъ выгоднаго мнѣнія...

Антонъ Павловичъ всякій разъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ конфуза, и самолюбіе его страдало ужасно. Дома же, послѣ неудачнаго тріо, всѣмъ троицъ пѣвцамъ приходилось выслушивать отъ строгаго отца и оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ регента внушительныя упреки за то, что его осрамили собственныя дѣти...

Великопостныя службы на Страстной недѣлѣ длинны и утомительны. Если только выставлять ихъ отъ начала до конца утомительно, то пѣть ихъ — утомительнѣе вдвое. Дѣтямъ Павла Егоровича и его хору приходилось являться въ церковь раньше всѣхъ и ухо-

дять позже всѣхъ. Тягота въ концу недѣли становилась еще тѣмъ ощутительнѣе, что послѣ долгихъ службъ и поаднихъ всенощныхъ не было возможности отдохнуть: хоръ прямо изъ церкви собирался на спѣвки—репетировать предстоящую пасхальную службу. Въ концу Страстной недѣли Антошъ Павловичъ уже чувствовалъ себя переутомленнымъ и нѣсколько напоминалъ бродячую тѣнь.

Пасхальная служба была много веселѣе. И мотивы пасхальнаго канона веселы, и кончается она скоро. Во Дворцѣ хоръ начиналъ утреню въ полночь, и въ три часа утра былъ уже свободенъ. Первымъ днемъ Пасхи и кончалось принудительное пѣніе. Дворцовая церковь заиралась. Антошъ Павловичъ и его братья однакоже были обязаны ходить всю Свѣтлую недѣлю въ другія церкви — не пѣть, а просто молиться, или, какъ говорилъ Павелъ Егоровичъ, не пропускать церковной службы. Но это уже не было такъ утомительно. Все-таки отдыхали... до Фоминой, а тамъ опять начинались праздничныя и воскресныя службы съ пѣніемъ на разныхъ клиросахъ.

Благодаря великопостному пѣнію, Антону Павловичу приходилось испытывать и еще одно неудобство. Гимназическіе педагоги задавали на праздники много работъ на домъ, а выполнять ихъ при такомъ ходѣ жизни не было ни времени, ни возможности. Получались нагоняя и съ этой стороны. Куда имъ вилъ—все клинъ.

Хоръ однакоже все-таки распался. Антошъ Павловичъ въ это время переходилъ, кажется, уже въ четвертый классъ гимназіи. Въ силу житейскихъ обстоятельствъ Павелъ Егоровичъ перекочевалъ на жительство въ Москву — и пѣніе прекратилось, оставивъ по себѣ въ душѣ покойнаго писателя то безотрадное воспоминаніе, которое давало ему право въ зрѣлые годы съ грустью говорить, что „въ дѣтствѣ у него не было дѣтства“...

А. С—ой.

